

мы не можем с уверенностью судить о военно-политической субординации в тогдашних Сиракузах.

Таким образом, с учетом указанных выше предпочтительных вариантов, фраза с перечнем лиц, дававших клятву с сиракузской стороны, могла бы выглядеть следующим образом:

[ὁμοῖσαι δὲ Διο] — νόσιον καὶ τοῦ [ς υἱεῖς αὐτοῦ καὶ τὴν βουλήν] τῶν Συρακοσῶν [ων καὶ ταξιάρχους καὶ τριη] ράρχους. Разумеется, настаивать на надежности этого варианта не приходится. Надпись, таким образом, не может быть использована для уточнения наших представлений о полисных органах власти в Сиракузах. Однако она подтверждает в принципе существование таких органов при тираническом режиме Дионисия.

Итак, можно считать установленным фактом сохранение сиракузским гражданским обществом своего политического статуса и при тирании Дионисия. Замечательным внешним подтверждением этого был продолжавшийся в Сиракузах и при Дионисии выпуск монеты традиционного типа с надписью ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ¹⁶.

Разумеется, преувеличивать значение этого гражданского суверенитета не приходится; его ограничение существовавшей бок о бок и над полисом тиранией было очевидно. Тем не менее сам факт продолжающегося существования гражданской общины с собственными представительными органами очень важен, ибо он заставляет говорить о сосуществовании, более того, о взаимодействии двух противоположных политических начал — полисно-республиканского и монархического, — и, стало быть, исключает возможность односторонней отрицательной оценки режима Дионисия как сугубой тирании.

Ю. Б. ЦИРКИН

МИФОЛОГИЯ МЕЛЬКАРТА

В жизни финикийцев, как и всех других народов древности, религия играла очень большую роль. Открытие в Угарите религиозных и мифологических текстов XIV—XIII вв. до н. э.

невозможность именно ссылкой на то, что фрурархи были уполномоченными тирана, а не сиракузскими магистратами, упоминания о которых следовало ожидать; Нисе же первым предложил вариант с триерархами (*Niese B. Op. cit* — «Hermes», XXXIX, S. 131). Возвращение к варианту с фрурархами у Белоха — GG², III, 2, с. 203 сл.; новые возражения ему — *Strohacker K. F.*, I. с.

¹⁶ См.: *Tudeer L. Die Tetradrachmenprägung von Syrakus.* — «Zeitschrift

дало нам представление о религии этого времени. К сожалению, подобных текстов, относящихся к другим центрам и более позднему времени, не сохранилось. В нашем распоряжении имеется только сравнительно небольшое количество надписей, остатки финикийских мифов, воспроизведенные античными авторами, да указания монет и фигуративных памятников, которых тоже немного. Обычна идентификация финикийских и греко-римских божеств. Это, с одной стороны, облегчает установление сущности того или иного финикийского божества, но, с другой, делает подчас трудным выяснение, идет ли речь о персонаже финикийского или чисто греческого или римского культа. Поэтому ни в одной области истории финикийской культуры нет столько неопределенностей и гипотез, иногда совершенно недоказуемых, сколько в истории финикийской религии железного века. Это относится и к культу Мелькарта, бога-покровителя Тира.

Тирские мореходы обошли весь бассейн Средиземного моря и вышли в Атлантический океан. В Африке, Сицилии, Сардинии, Испании возникают колонии Тира. Колонисты вступают в многообразные связи с окружающим населением и передают ему, в частности, некоторые элементы своей культуры, в том числе и религиозные представления. Финикийские культы оказывают значительное влияние на культы других народов Средиземноморья, не исключая греков, этрусков и римлян. И при этом особо выделяется культ главного тирского бога Мелькарта, которого греки отождествляли с Гераклом, а римляне — с Геркулесом. Храм этого бога в Гадесе, тирской колонии в Испании, был одним из самых знаменитых святилищ древности, и слава его распространялась по всему Средиземноморью. Возникнув, видимо, в конце II тыс. до н. э., он существовал до самого конца язычества. Последние сведения о нем относятся к концу IV в. н. э.

Все это привлекает особое внимание к культу Мелькарта-Геракла. Различным аспектам этого культа и его истории посвящено несколько интересных, хотя в некоторых случаях и дискуссионных, работ¹. Однако гораздо меньше, чем того

für Numismatik», Bd. XXX, 1913, С. 63 слл.; ср. также: *Beloch K. J.*, GG², III, I, S. 52; 2, S. 195; *Stroheker K. F.* Op. cit., S. 149, 165; *Berve H.* Op. cit., I, S. 237, 240.

¹ *Preisendanz K.* Melkart, RE, SpBd. III, 1935, стлб. 293—297; *Dussaud R.* Melqart, «Syria», t. XIV, 1946—1948, p. 205—230; *García y Bellido A.* Hercules Caditanus. — AEArq. t. XXXV, 1963, p. 70—153; *Van Berchem D.* Sanctuaires d'Hercule-Melqart, — «Syria», t. XLIII, p. 73—109, 307—338.

заслуживают, изучаются мифы об этом боге. Это объясняется, в основном, тем, что собственно памятников финикийской литературы, как уже отмечалось, практически не сохранилось. Но нам кажется, что и имеющийся материал (пересказы античных писателей) все же позволяет определить наличие мифологического цикла, связанного с Мелькартом. В настоящей статье мы и ставим перед собой задачу выяснить содержание этого цикла.

О рождении Мелькарта сохранились очень скудные упоминания греческих и римских авторов. Филон Библиский (у Euseb. Praer. ev. 1, 10, 27) мимоходом отмечает, что Мелькарт (он же Геракл, прибавляет греческий автор) был сыном Демаруса, которого он же отождествляет с Зевсом (там же, 1, 10, 31, ср. 1, 10, 19, где говорится, что Демарус был сыном Эла, т. е. Крона). Если раньше сообщение Филона об использовании им финикийского оригинала Санхуниатона, мудреца времени Троянской войны, вызывало сомнения, то теперь в принципе его принимают, ибо открытие угаритских текстов наглядно показало существование обширной финикийской литературы II тыс. В произведении Филона имеются как греческие черты, внесенные автором греко-римского времени, так и собственно финикийские, причем к последним относится упоминание Мелькарта².

Вторично указание на это божество мы встречаем у Цицерона (de nat. deor., III, 16, 42), который упоминает среди нескольких Геркулесов и сына Юпитера и Астерии, которого более всего почитают в Тире. В Астерии, матери тирского Геркулеса, обычно видят Астарту³. Сохранился интересный барельеф, найденный в Тире, на котором изображена больная женщина, видимо роженица, внизу лань, кормящая ребёнка, к которому ползет змея, и здесь же орел и воспламененное дерево, обвитое змеей⁴. То, что перед нами сцена рождения Мелькарта, несомненно. О священной оливе, лобеги которой лижут языки пламени, говорит Ахилл Татий, упоминая о святилище в Тире (II, 14). Интересный эпизод содержится в поздней поэме Нонна «Дионисиака» (XL, 469—500): Геракл по-

² Eissfeldt O. Das Schamra und Sanchuniaton, Halle (Saale), 1939, p. 67—71; Гринцер П. А. Две эпохи литературных связей. — В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 26.

³ Baudissin W. W. Adonis und Esmun. Leipzig, 1911, с. 307; Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, t. IV, p., 1924, p. 251, прим. 2.

⁴ Seyrig H. Les grands dieux de Tyre à l'époque grecque et romaine. — «Syria», t. XL, p. 23—24; табл. II, p. 1.

требовал переправиться на блуждающие острова, и там люди должны увидеть огромную оливу, на вершине которой сидит орел; само дерево охвачено огнем, пожирающим все вокруг, но не трогающим его; вокруг ствола обвилась змея, с угрозами ползущая к орлу; надо принести орла в жертву Посейдону, Зевсу и блаженным, и тогда скалы перестанут блуждать, и на них надо будет основать город (т. е. Тир). Подробное исследование этой книги поэмы показало, что основным источником повествования греческого поэта в данном случае является местное финикийское предание⁵. Следовательно, нонновский Геракл, божественный основатель Тира, не кто иной, как Мелькарт. Таким образом, изображенное на рельефе пламенеющее дерево, обвитое змеей, и орел имеют прямое отношение к культуре Мелькарта. Возможно, что в римское время (а рельеф относится именно к этому времени) орел мог смешиваться с атрибутами Зевса—Юпитера, отца тирского бога⁶. Итак, перед нами сцена рождения Мелькарта Астартой.

Таким образом, можно быть уверенным в том, что финикийцы, по крайней мере, тирийцы, считали Мелькарта сыном Демаруса и Астарты. Они явно, судя по барельефу, почитали его рождение. Однако еще больше отмечалась почитателями смерть и воскрешение Мелькарта. Евдокс Книдский (у Ath. IX, 47, 392) рассказывает, со слов финикийцев, что Геракл, сын Астерии и Зевса, был убит в Ливии Тифоном и воскрешен Иолаем, давшим ему понюхать запах перепела. Указывая на происхождение героя, автор ясно дает понять, что речь идет не о фиванском Геракле, сыне Зевса и Алкмены, а о тирском. К этому же тексту Евдокса восходит и рассказ Зиновия (Cent. V, 56), где недвусмысленно упоминается Геракл Тирский. Сохранился след сказания о его смерти в огне, причем локализуется это событие в самом Тире (Ps. Clem. Recogn., 10, 24). Намек на подобный тирский миф содержится и у Дионисия (Dionys., XL, 58), где говорится о Геракле, уничтожившем в огне старость и принявшем из огня юность. По Менандру Эфесскому (у Jos. Ant. VIII, 5,3 и contra App. 1, 18), при царе Хираме I (X в. до н. э.) в Тире стали отмечать праздник «пробуждения» Геракла в месяце перитии, т. е. в феврале—марте. Этот миф имел и вариант, по которому смерть (вероятно, и «пробуждение») Мелькарта локализуется на западе, в Испании. Так, Саллюстий, ссылаясь на афров, т. е., вероятнее всего,

⁵ Eissfeldt O. Указ. соч., с. 128—151.

⁶ Seyrig H. Указ. соч., с. 24.

африканских финикийцев, упоминает о гибели Геркулеса в Испании (Jug. 18,3). По словам Мелы (III, 46), в гадитанском храме находилась могила этого бога. Туманный намек Павсания (IX, 4, 6) позволяет говорить о празднике смерти и воскрешения Мелькарта в Гадесе. Во время этого праздника из города изгоняли всех иностранцев и сжигали изображение бога, сидящего на гиппокампе⁷. Может быть, с этим же связано и странное сообщение Филострата, что гадитане, единственные из людей, воспевают смерть (Apoll. Tyap. V, 4).

Это сказание рисует образ гибнущего и возрождающегося бога подобно библскому Адонису, месопотамскому Таммузу или египетскому Осирису, с которым его связывает и имя убийцы⁸. Перед нами божество, олицетворяющее умирающую и возрождающуюся растительность. Недаром праздник его «пробуждения» отмечался весной, в момент прекращения зимних дождей и появления первых почек⁹.

Но кто убил Мелькарта, какой персонаж финикийской мифологии скрывается под греческим именем Тифона? С Тифоном греческие авторы обычно отождествляли египетского бога Сета, убийцу Осириса. Это отождествление встречается уже у Геродота (II, 144). В египетской религии Сет рассматривался сначала как бог восточного рукава нильской дельты, затем — восточной границы Египта и, наконец, как бог иностранцев и восточной пустыни. Он олицетворяет солнечный зной, губительный для жизни¹⁰. Видимо, он был богом-скотоводом в противоположность богу земледельцев «черной земли» — Египта. Подобные черты встречаются и у Мота, который в угаритских мифах выступает как бог смерти и противник Баала. Его царство называется страной пастбищ, прекрасным лугом, полем львов (Мамету (1^xAB, VI, 6—7; 29—30)). Оно противопоставляется земле Баала, земледельческого бога умирающей и воскресающей растительности. Как Сет издавна был богом непогоды и ветра, дующего из пустыни и губящего все живое¹¹, так и Мот предстает владыкой засухи и пустыни¹². Правда, в египетских текстах Сет отождествляется именно с Баалом, а не с его врагом¹³, но это, по-видимому, объяс-

⁷ Frazer J. G. The golden bough, p. IV, v. 1, L., 1922, p. 113.

⁸ Ср. Preisendanz K. Указ. соч., с. 295.

⁹ Dussaud R. Указ. соч., с. 207; Garcia y Bellido A. Указ. соч., с. 72.

¹⁰ Kees. Seth, RE, Hbd IV A, 1921, стлб. 1905—1907, 1909—1911.

¹¹ Там же, стлб. 1909.

¹² Eissfeldt O. Kanaanäisch-ugaritische Religion. — In: Handbuch der Orientalistik, I Abt., Lief. 1, Leiden, 1964, p. 85.

¹³ Kees. Указ. соч., стлб. 1897, 1907.

няется тем, что Сет считался эквивалентом вообще каждого азиатского бога¹⁴, и, следовательно, с принятием в египетский пантеон Баала его должны были отождествлять именно с Сетом, несмотря на различие между ними. Если наши рассуждения верны, то Тифон, убивший Мелькарта, не кто иной, как финикийский вариант Сета—Мот.

Так как финикийцы рассказывали о рождении и смерти Мелькарта, то должны были существовать и сказания о событиях его «земной жизни», состоящих между появлением на свет и гибелью. Отождествление с Гераклом подсказывает, что этот промежуток «биографии» бога был заполнен походами и подвигами. Об этих подвигах античные авторы молчат, и можно только гадать или путем сложных сопоставлений выяснять, какое из деяний греческого героя имеет в своей основе финикийский миф. Однако обратим внимание на описание ворот гадитанского Гераклеяона, данное Силием Италиком. Д. ван Берхем справедливо отмечает, что храм в Гадесе был в I в. н. э., во времена Силия Италика, слишком известен, чтобы даже такой поэт, как он, мог позволить себе фантастические утверждения¹⁵. Поэтому рассмотрим внимательно те изображения, которые, по словам поэта, украшали ворота святилища Геркулеса.

В поэме говорится, что на воротах храма были изображены «труды Алкида», и далее они кратко перечисляются: Лернейская гидра, Немейский лев (автор его называет Клеонейским), Стигийский привратник (т. е. адский пес Кербер), фракийские кони, Эриманфский вепрь, медноногий олень (Керинейская лань), поверженный Антей, Кентавр, Ахелой (Акарнанский поток) и, наконец, сожжение героя на Эте, с которой «великую душу уносит к звездам пламя» (Sil. It. III, 32—44).

Прежде всего бросается в глаза, что перед нами не традиционные двенадцать подвигов, а набор из десяти эпизодов «биографии», включая смерть на костре. К тому же, наряду с шестью подвигами, включаемыми в классический додекатлос, имеются четыре, которые, хотя и известны из античной литературы, в этот список не входят. А. Гарсиа и Бельидо полагают, что изображения на воротах гадитанского храма были созданы до каталогизации подвигов, которая имела место, по его мнению, на рубеже VI—V вв. до н. э., и, следовательно, отражают эллинизацию святилища в VI в.¹⁶ Однако проблема

¹⁴ Там же, стлб. 1907.

¹⁵ Van Berchem. Указ. соч., с. 83.

¹⁶ Garcia y Bellido A. Указ. соч., с. 104—105.

происхождения цикла двенадцати подвигов Геракла далека от разрешения. Если М. Нильссон относит время возникновения додекатлоса к микенской эпохе¹⁷, то Ф. Броммер считает, что этот каталог был создан только во времена эллинизма¹⁸. Во всяком случае, о некоторых подвигах знает уже Гомер, хотя конкретно упоминается только увод Кербера (II. VIII, 363—369; Od. XI, 623—626). Гесиод называет ряд рожденных богами жертв Геракловой силы: Гериона (Theog. 287—294), Гесперид (Theog. 275), Кербера (Theog. 310), Лернейскую гидру (Theog. 313—315), Немейского льва (Theog. 327—333). Некоторых из этих персонажей мы встречаем в Гадесе, другие там отсутствуют. И это отсутствие весьма красноречиво.

Среди подвигов гадитанского Геркулеса мы не видим ни похищения яблок Гесперид, ни поддержки неба Атлантом, ни борьбы с Герионом. Мифы эти весьма древние, упоминаются уже Гесиодом, а сказание о похищении яблок Гесперид существовало, возможно, и в микенской Греции¹⁹. Между тем в греческой мифологии все эти события локализуются обычно на крайнем западе, т. е. в сфере гадитанской цивилизации. И особенно важно, что здесь не упоминается о борьбе героя с Герионом. Об этой борьбе рассказывает Гесиод, локализуя ее на острове Эрифии. Уже Стесихор (у Strabo III, 2, 11) связывает Гериона с Тартесом. А Эфор и Филистид (у Plin. n. h. IV, 22) Эрифию считают тем же островом, что и остров Гадеса. И было бы очень странно, если гадитанские жрецы, избрав греческий образец для украшения храма, пренебрегли теми сказаниями, которые, казалось бы, имеют непосредственное отношение к окружающей местности и, может быть, даже к самому их городу.

С другой стороны, среди сцен из «биографии» героя на гадитанских воротах встречается изображение его смерти. Этот сюжет сравнительно редко встречается в греческом изобразительном искусстве²⁰. Но зато в Гадесе, как мы видели, смерть и последующее воскресение Мелькарта почитались особенно, и существовало даже поверье о нахождении именно в этом городе могилы бога. Стоит обратить внимание на слова поэта, что на воротах было показано, как «душу уносит к

¹⁷ Nilsson M. The Mycenaean Origin of Greek mythology, Berkley, 1932, p. 197, 214.

¹⁸ Brommer F. Denkmälerlisten zu griechischen Heldensage, I. Marburg, 1971, S. X.

¹⁹ Гринцер П. А. Указ. соч., с. 63, прим. 110.

²⁰ Brommer F. Указ. соч., с. 147.

звездам пламя». Вероятно, здесь была представлена поднимающаяся из пламени фигура героя. Вспомним, что, по Нонну, Геракл уничтожал в огне старость и принимал из огня юность. Вероятно, в описываемой Силием Италиком сцене и показывалось, как из огня поднимался обновленный бог.

Все сказанное приводит нас к мысли, что на воротах Гераклея в Гадесе были не изображения греческих мифов, а воспроизведения финикийских сказаний о Мелькарте. Конечно, нельзя полностью исключить влияние эллинской мифологии и искусства. Но и в таком случае избирались только те сюжеты, которые аналогичны темам подвигов и страданий Мелькарта (независимо от того, существовал ли уже канонизированный список додекатлоса или нет).

Из подвигов Мелькарта поэт на первом месте называет борьбу с Лернейской гидрой (точнее, была представлена уже поверженная гидра с отрубленными змеиными головами)²¹. Тема борьбы героев с чудовищными змеями и драконами была широко распространена в мифологии как Греции, так и Востока. На месопотамских печатях мы находим изображение борьбы героя, одного или с товарищем, с пятиголовой змеей или семиголовым драконом, на спине которого горят шесть языков пламени, что напоминает о победе Геракла, уничтожившего чудовище с помощью Иолая, прижигавшего шею гидры, чтобы у нее не отрасли новые головы²². Шумерский Гильгамеш сражается со змеей, притаившейся в корнях могучей ивы, посаженной богиней Инанной²³. В Библии сохранились упоминания о борьбе бога со страшным змием Ливиафаном (Jes. XXVII, 1; Ps. LXXIV, 14). Очень важно, что в угаритской поэме о Баале рассказывается, что этот бог поразил *ltn*, приносящего злого змия, властелина с семью головами (I^xAB, I, 1—3; V AB, D, 38—39). Встречается этот сюжет и в сказаниях других народов²⁴. Таким образом, миф о борьбе бога или героя с драконом или змеей или чем-то подобным не стоит одиноко, в том числе и в ханаанской мифологии, и поэтому вполне возможно, что тирскому Мелькарту, как и угаритскому Баалу, приписывалась такая борьба.

²¹ Надо заметить, что во всех перечислениях двенадцати подвигов Геракла при всех их различиях борьба с гидрой всегда находится на втором месте после Немейского льва. (*Gruppe O. Herakles*, RE, SpBd. III, 1918, стлб. 1021—1022).

²² *Jairazbhoy P. Oriental influences in Western Art. L.*, 1965, p. 174—175.

²³ *Афанасьева В. К.* Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрация в глиптике. — ВДИ, 1962, № 1, с. 76—77.

²⁴ *Гринцер П. А.* Указ. соч., с. 27.

Что касается второго подвига Мелькарта, борьбы со львом, то эта тема также широко представлена в сказаниях различных народов. В «Эпосе о Гильгамеше» («О все выдавшем») подобные деяния приписываются и Энкиду (II, III, 28—32), и самому Гильгамешу (IX, 1, 14—18)²⁵. Можно вспомнить и знаменитого библейского Самсона (Jud. XIV, 6). В рассказе о Баале не встречается описания такого сражения, но владения бога смерти Мота, врага Баала, постоянно называются полем львов Мамету (I^xAB, VI, 7). Лев здесь, видимо, предстает как существо, враждебное Баалу. На двух серебряных чашах, найденных на Кипре, в финикийском Китии, изображена борьба бородатого персонажа со львом и безбородого с грифоном. На одной чаше борец со львом был представлен в египетском виде, на другой — в месопотамском, что характерно для финикийского искусства, в котором перекрещивались египетские и ассиро-вавилонские влияния. В бородатом герое надо признать Мелькарта, а его спутника обычно считают Эшмуном²⁶. Изображение воина, сражающегося при поддержке грифона со львом мы видим на пластине из слоновой кости, найденной в южной Испании около Кармоны²⁷. Поскольку Китий долгое время подчинялся Тиру, а кармонская пластина была создана, скорее всего, испано-финикийским резчиком, ведущим свое происхождение от тирийцев (финикийские колонии в Испании имели своей метрополией Тир), то эти памятники дают прямое свидетельство тирского мифа о борьбе Мелькарта со львом.

Третьим деянием бога, изображенным на воротах, была победа над адским псом Кербером. Точных параллелей такому событию мы пока не находим в восточной литературе. Однако тема спуска божества или героя в подземный мир и тема борьбы с существами этого мира встречается повсеместно. Через море смерти в жилище бессмертного Утнапишти переправляется Гильгамеш (IX, IV, 2—11). Несомненно, что в подземном мире должны были побывать умершие и воскресшие боги, как Таммуз и Адонис. То же самое относится и к Баалу. Мот погубил этого бога, но тот затем воскрес. А далее рассказывается о борьбе Баала и Мота. В нее вмешивается богиня солнца Шапаш, заставившая Мота окончательно покориться (I AB, VI, 16—32). По словам Силия Италика, в этой

²⁵ Мы следуем интерпретации и переводу этой поэмы П. М. Дьяконовым (Эпос о Гильгамеше (О все выдавшем). М.—Л., 1961).

²⁶ Baudissin W. W. Указ. соч., с. 296—298, табл. VII и VIII.

²⁷ Blanco Freijeiro A. Orientalia II, AEArc, t. 33, 1960, p. 13.

сцене присутствует Мегера, боящаяся щелей. Не мог ли римский автор или его источник принять за Мегеру фигуру богини солнца? Античный Кербер всегда изображался в виде пса, иногда даже многоголового и многотелого²⁸. На одной из китийских чаш виден бородатый человек, в котором, как только что было сказано, признается Мелькарт, несущий на плечах пса²⁹.

Среди других подвигов Мелькарта была изображена и борьба с великаном Антеем. Тема борьбы с гигантами широко представлена на Востоке. Это и убийство страшного Хумбабы Гильгамешем и Энкиду (Эпос о Гильгамеше, V), и победа юного Давида над великаном Голиафом (I Sam. XVII, 40—51). Можно найти параллели и к некоторым другим победам тирского бога. Ахелой в эллинистическую и римскую эпоху изображался в виде быка с человеческой головой³⁰. Нечто подобное должно было быть и на воротах храма. Похожие изображения известны и в восточном искусстве, например, на передке арфы, найденной в царской могиле в Уре, представлен персонаж, борющийся с двумя быками с человеческими лицами³¹. Гадитанский Геркулес сражался с вепрем. Египтяне рассказывали о борьбе Гора с Сетом, причем последний выступал в виде черного борава³². Неудивительно и появление оленя среди фигур, связанных с Мелькартом, ибо лань была связана с культом этого божества: она кормила божественного младенца на рельефе со сценой рождения Мелькарта. И хотя другие сюжеты пока еще не имеют точных или близких аналогий, все же приведенных достаточно для утверждения, что подвиги Мелькарта находятся целиком в сфере древне-восточных мифологических представлений.

Каков же смысл тех эпизодов, которые были представлены на воротах гадитанского Гераклеяна? В греческой мифологии (у Гесиода) Кербер, Лернейская гидра и Немейский лев считаются детьми Ехидны и Тифона (Theog., 306—332), чудовищ, связанных со страшными хтоническими силами. Подобные идеи должны были быть и у финикийцев. В финикийском мире змеи символизировали водный поток, пробиваю-

²⁸ Eitrem. Kerberos, RE, HlBd, 21, 1921, стлб. 272, 276.

²⁹ Baudissin W. W. Указ. соч., табл. VIII.

³⁰ Wentzel G. Acheloos, RE. Bd. I, стлб. 216.

³¹ Флитнер Н. Д. Искусство Двуречья и соседних стран, Л.—М., 1958, с. 121 и рис. на с. 125.

³² Picard-Schmitter M. Th. Bétyles Hellénistiques. — «Monuments et memoires», t. 57, 1971, p. 68—69.

щийся из земли ³³. В представлениях многих народов собака была связана со смертью как образ души умершего ³⁴. По-видимому, борьба Мелькарта с Гидрой, львом и Кербером изображала в мифологическом виде борьбу с тремя проявлениями хтонических сил: выходящими из земли водами, наземными чудовищами (представлены львом) и страшными порождениями подземного царства. Следующие три подвига Мелькарта, по существу, повторяют те же мотивы. Кони связаны с загробным миром у греков, этрусков и во всем Средиземноморье ³⁵; олень был водным символом ³⁶; кабан мог воплощать наземные силы. Наконец, та же сущность была, по-видимому, и у остальных трех жертв Мелькарта: великан, кентавры (точнее, какие-то существа, принятые римским автором за кентавров), человекоголовый бык. В месопотамском эпосе великан Хумбаба неразрывен с выросшим из земли кедром (эпос о Гильгамеше V). Бык у многих народов воплощает неудержимый водный поток. «Кентавры», какие-то существа, подобные коням, как и те, возможно, имели связи с миром смерти.

Таким образом, представляется, что в изображениях на воротах Гераклеяна в Гадесе перед нами трижды повторенные аналогичные мотивы борьбы бога с темными порождениями хтонических сил. Троекратное повторение одного и того же, как известно, имеет всегда большое значение в фольклоре различных народов; оно как бы утверждает, упрочивает особую значимость события. Это видно, например, в библейском рассказе о патриархах: три было патриарха (Авраам, Исаак и Иаков), и всем трем бог обещал сделать их род многочисленным, а землю, где они живут, отдать во владение их потомкам (Ген. XVII, 1—8; XXVI, 3—5; XXVIII, 13—15). Интересно также, что первое обещание дал бог Аврааму, когда тому было 99 лет, т. е. число, кратное трем. Вероятнее всего, что и при изложении Мелькартовых деяний троекратное повторение одного и того же в разных формах должно было усилить и утвердить значение его трудов. И следующее, десятое, событие — смерть и воскрешение Мелькарта. Оно воспринимается как заключительный триумф всей его многотрудной жизни, заполненной борьбой с чудовищами земли, водной стихии и

³³ *Baudissin W. W.* Указ. соч., с. 325—339.

³⁴ *Fitrem.* Указ. соч., стлб. 274.

³⁵ *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 52—65; *Blázquez J. M.* Caballos en el infierno etrusco. — «*Ampurias*», t. XIX—XX, 1957—1958, с. 67.

³⁶ *Bayet J.* Les origines de l'Hercule Romain. P., 1926, p. 112—113.

подземного мира. Всем им Мелькарт противостоит как свет-
лое начало.

Такие мифы должны были относиться к божеству, связан-
ному с солнцем. Подвиги Мелькарта напоминают деяния
Гильгамеша и частично Самсона. А солнечный характер этих
персонажей несомненен³⁷. Гибель и возрождение тирского
бога связывается с огнем (Нонн называет его даже повелите-
лем огня — *Dionys. XL, 369*), и этот огонь может рассматри-
ваться как воплощение солнечного. Несомненный солярный
характер придает тирскому Гераклу Нонн, называя его Гелио-
сом, пастырем человеческой жизни, скачущим по всему небу
сверкающим диском, ведущим круг за кругом двенадцатиме-
сячный год (*Dionys. XL, 370—374*). Однако трудно сказать, в
какой степени Нонн деформировал древнее финикийское пре-
дание в духе позднеантичного синкретизма³⁸. Но обратим вни-
мание на легенду, рассказанную Макробием, о неудачной
попытке нападения царя Ближней Испании Ферона на Гадес
(*Saturn. I, 20, 12*). Там говорится о сожжении царских кораб-
лей лучами, подобными солнечным, и о явлении львов на но-
сах гадитанских судов. А. Шультен, исследовавший этот рас-
сказ, убедительно доказал, что упоминаемая в нем Ближняя
Испания не римская *Hispania Citerior*, а греческая η $\pi\lambda\eta\sigma\iota\omega$ -
 $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$ Ἰβηρία (близлежащая Иберия), название которой бы-
ло неправильно понято Макробием или его непосредственным
источником³⁹. Все симпатии автора этого рассказа на сторо-
не гадитан, и можно быть уверенным, что по своему проис-
хождению легенда — финикийская⁴⁰. Спасение Гадеса естест-
венно надо ожидать от бога-покровителя города, каким был
Мелькарт, тем более что непосредственной целью нападения
был, по Макробию, именно храм Геркулеса, и сам Макробий
вставил это повествование в рассуждение о Геркулесе. В этой
лэгенде содержится историческое зерно: сообщение о морской
битве между гадитанами и тартессиями. Так как Тартесс пал,
вероятнее всего, в самом начале V в. до н. э., то сказание о

³⁷ О Гильгамеше как о солнечном божестве см.: Дьяконов И. М. Эпос
о Гильгамеше, с. III9.

³⁸ Солярный характер Мелькарта спорен. Решительные противники его
Р. Дюссо (Указ. соч., с. 207) и А. Сейриг (*Le culte du soleil en Syrie à
l'époque romaine. — «Syria», t. XLVIII, 1971, p. 356*). Осторожен в этом от-
ношении К. Прайзенданц (Указ. соч., стлб. 296). Но есть и сторонники тако-
го взгляда (KAI, II, p. 53; *Garcia y Bellido A. Указ. соч., с. 73*).

³⁹ *Schulten A. Tartessos. Hamburg, 1950, p. 38.*

⁴⁰ Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л.,
1963, с. 50.

помощи бога своему городу возникло не позже этого времени. Следовательно, Мелькарт имел частично солнечный характер уже в первой половине I тыс. до н. э.

Имя Мелькарта обычно считают стяженной формой Melekart и переводят «царь города», подразумевая под этим городом Тир⁴¹. Двухязычное (финикийско-греческое) посвящение этому богу, найденное на Мальте, сделанное братьями тирийцами, называет бога «владыкой Тира» — Баал Цор (KAI 47). Перед нами один из местных «владык», баалов, каких было много в финикийской религии, как Баал Цидон («владыка Сидона»), Баалат Гебал («владычица Библа») ⁴². В образах этих «владык» финикийцы олицетворяли все ценное и желанное данным городом, племенем, общественной группой⁴³. Однако когда мы обращаемся к мифам, о которых говорилось выше, то не можем не заметить, что они относятся только к аграрному и соляному аспектам Мелькарта. Эти мифы принадлежат более древнему слою тирской мифологии, когда город, видимо, не приобрел еще значение как морской и торговый центр, метрополия многочисленных колоний, производитель пурпура. Мифы, связанные с этими сторонами жизни Тира, должны быть моложе рассмотренных.

Далекie экспедиции тирских мореходов отразились, вероятно, в мифах о походах Мелькарта. К сожалению, от этих мифов почти ничего не сохранилось. Только у Саллюстия (Jug. 18, 2—3), ссылающегося при этом на афров, т. е., видимо, на африканских финикийцев, есть упоминание о походе Геркулеса в Испанию, где он и погиб, а его разноплеменное войско распалось, и часть его переправилась в Африку. Разумеется, здесь идет речь о финикийском Геркулесе-Мелькарте. Существовали ли рассказы о походах Мелькарта в непосредственной близости от Тира, предшествующие перенесению его деяний в далекие страны, неизвестно. Можно лишь полагать, что сказания о далеких путешествиях возникли с развитием одиссеи тирской колонизации⁴⁴.

Характерно, что в той мальтийской надписи, в которой в

⁴¹ Например, *Preisendanz K.* Указ. соч., стлб. 293.

⁴² KAI, II, p. 88.

⁴³ *Leslie E.* Old Testament Religion in the Canaanite Background. N.-Y. — Chicago, 1936, p. 24.

⁴⁴ Мы не будем рассматривать вопрос, в какой степени в эллинических преданиях о походах Геракла отразились финикийские влияния, и можно ли говорить о финикийской основе в сообщениях Диодора о египетском Геракле.

финикийской части Мелькарт именуется баалом Тира, в греческой этому титулу соответствует «архевет». Архевет, предводитель — такой эпитет хорошо подходит богу, покровителю далеких переходов и основания колоний. В греческой мифологии такую роль играл Аполлон (ср. Thuc. VI, 3 и Pind. Pith. V, 60—61, где этому богу придается такой эпитет именно в связи с колонизацией: основанием Наксоса в одном случае и Кирены в другом). У Элия Аристида (Ог. 27,5) мы находим даже рассуждение о различии между функциями Аполлона как экзегета и архевета: в последнем случае он выступает как непосредственный ойкист, а в первом — как посылающий других создавать новые города⁴⁵. Таким образом, Мелькарт-архевет выступает как руководитель колонизации. В связи с этим вспоминается рассказ об основании Гадеса (Strabo III, 5, 5), где говорится о посылке колонизационной экспедиции по велению оракула. Источником этого рассказа является, как пишет Страбон, гадитанское повествование. Видимо, существовал какой-то миф об основании Гадеса, в котором значительная роль приписывалась приказу оракула Мелькарта.

Будучи баалом Тира, Мелькарт не мог не приобрести и черт морского божества. Это, в частности, отразилось в мифе об основании Тира, как он изложен Нонном (Dionys. XL, 443—534). Здесь рассказывается, что Геракл призывает основателей материкового Тира построить корабль и, переправившись на блуждающие в море Амбросийские скалы и принеся там жертву, остановить скалы и построить на них город. Этот призыв был выполнен, и на островах возник собственно Тир. Строители корабля пользовались в качестве образца рыбой навтил, представленной им Гераклом⁴⁶.

В связи с этим возникает проблема взаимоотношений Мелькарта с греческим Меликертом, одним из второстепенных морских божеств Эллады, ранее сыном смертной женщины Ино, которая бросилась в море с младенцем на руках. Оба превратились в морских божеств: Ино в Левкотею, а Меликерт — в Палемона (Apollod. III, 4, 3; Ovid. Met. IV, 512 сл.).

⁴⁵ Lombardo M. Le concezioni degli antichi sul ruolo degli oracoli nella colonizzazione greca. — «Annali della Scuola normale superiore di Pisa», classe di lettere e filosofia, serie III, vol. II, 1, 1972, p. 69—70.

⁴⁶ Возможно, этот миф существовал уже по крайней мере в V в. до н. э., так как тирские жрецы рассказывали Геродоту (II, 44) об основании храма Мелькарта-Геракла одновременно с городом. Впрочем, существовало и параллельное сказание, связывающее возникновение Тира с Гипсурацием и Узоем. (Eus. Praep. Ev. I, 10, 10).

Ранее признавалось тождество образов Мелькарта и Меликерта⁴⁷. Позже это мнение категорически отвергалось⁴⁸, а в последнее время вновь стало защищаться⁴⁹. Ино в греческом мифе считалась дочерью финикийца Кадма (уже у Гомера — Od V, 333—334). Возможно, что Ино — культовое имя богини Илифии, во всяком случае в греческой литературе эти два имени иногда относятся к одному образу⁵⁰. По Страбону (V, 2, 8), в этрусском городе Пиргах имелось очень древнее святилище Илифии. Раскопки, проведенные здесь, дали фрагменты греческой керамики с выцарапанным на них именем Ино, а позже — знаменитые золотые таблички с финикийской и двумя этрусскими надписями, в которых встречается отождествление этрусской богини Уни с Астартой⁵¹. Можно считать, таким образом, что Ино-Левкотей-Илифия также, по крайней мере, на Западе, идентифицировалась с этой финикийской богиней. Астарта же, как мы видели, считалась матерью Мелькарта. Итак, оба божества, Мелькерт и Меликерт, были рождены одной и той же богиней: Илифией-Ино-Левкотеей-Уни-Астартой.

С Меликертом был связан дельфин; именно он подхватил падающего в море ребенка. Меликерт на дельфине изображается на коринфских монетах⁵². Этот же морской зверь появляется на самых ранних монетах Тира (450—400 г. до н. э.). На тирских монетах следующего десятилетия мы видим Мелькарта, мчащегося на гиллокампе, а внизу, под двойной линией волн, — дельфина⁵³. В чеканке Гадеса также появляется дельфин⁵⁴.

Надо обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Меликерт становится морским божеством под именем Палемона. Но Палемон — один из эпитетов Геракла (Hesych. v. Παλαίμων). Существовал также миф о рождении Палемона от Геракла и вдовы Антея (Pherekid. fr. 33e, FHG I,

⁴⁷ Stoll. Melikertes, ML, Bd. V, стлб. 2633—2634; Meyer E. Melqart, ML, Bd. V, стлб. 2652.

⁴⁸ Например, Dussaud R. Указ. соч., с. 210.

⁴⁹ Astur M. Hellenosemitika. Leiden, 1967, p. 209—211.

⁵⁰ Pfiffig A. J. Uni-Hera-Astarte. Wien, 1965, p. 51.

⁵¹ Majuri. Scavi nel santuario etrusco di Pirgi. — «Archeologia classica», t. XVI, 1964, p. 49—117.

⁵² Stoll. Указ. соч., стлб. 2634.

⁵³ Baramki D. The coins exhibited in the Archaeological Museum of the American University of Beirut. Beirut, 1968, p. 25.

⁵⁴ Vives y Escudero A. La moneda Hispánica. Madrid, 1924, t. I, p. 52—53; t. III, p. 8.

80). Следовательно, этот бог включается в Гераклов мифологический цикл, хотя первоначально он, по-видимому, с ним не был связан. Возможно, после появления устойчивого отождествления Геракла с Мелькартом мифы о Меликертe соединяются со сказаниями о Геракле.

Поэтому можно полагать, что греческая сага о Меликертe воспроизводит (возможно, частично в измененном виде) финикийские рассказы о Мелькарте. Если это так, то перед нами еще один (третий) вариант предания о гибели и возрождении тирского бога. Каждый вариант связан с одним аспектом его культа: убийство Тифоном и воскрешение при помощи запаха прилетающих весной перепелов — аграрным, смерть и возрождение в огне — солнечным, гибель и апофеоз в водной пучине — морским.

Своему владыке тирийцы приписывали и открытие пурпура, игравшего столь важную роль в экономике их города. Этот миф передан Поллуксом (Оноп, 1, 45 сл.; также Nonn. Dionys. 305). По его словам, во время охоты Геракла около Тира его собака, раскусив пурпурную раковину, окрасила красным цветом пасть, а восхищенная красотой краски возлюбленная героя нимфа Тир (и в греческом и в финикийском языках город женского рода) убедила Геракла окрасить свою одежду, что и привело к открытию пурпурной окраски⁵⁵.

Итак, можно прийти к следующим выводам. В мифах о Мелькарте выделяются два слоя. Первый из них, более древний, относится к Мелькарту как аграрному и солярному божеству. То, что земледелие играло в Тире значительную роль, несомненно; оно отмечено еще во II тыс. до н. э., существовало и в I тыс.⁵⁶ В этих древних сказаниях тирский бог предстает перед нами как воплощение умирающей и воскресающей природы, как символ закатывающегося и поднимающегося в огненной заре солнца, как герой, освобождающий землю от темных порождений хтонических сил.

Ко второму слою относятся мифы, связанные с покровительством дальним походам, с морскими функциями бога, с открытием пурпура. Когда возник этот слой сказаний? Ответ во многом зависит от решения вопроса о начале заморской экспедиции Тира. По преданию, древнейшие тирские колонии на крайнем Западе появились уже в конце II тыс., в XII в. до н. э. (Plin. n. h. XIX, 63; Vel. Pat. 1, 2, 3; Mela III, 46).

⁵⁵ Ср. Achill. Tat. II, 2.

⁵⁶ Шифман И. Ш. Указ. соч., с. 9.

Однако многие современные исследователи отвергают столь высокую датировку. Сейчас невозможно обсуждать данный вопрос, хотя нам представляются даты, сообщенные античными авторами, приемлемыми. С другой стороны, идентификация Мелькарта и Геракла произошла, по-видимому, на Кипре, где сосуществовали, тесно соприкасаясь друг с другом, финикийская и греческая культуры, не позже VI в. до н. э.⁵⁷ Если же в сказании о Меликерте воспроизведен в той или иной форме миф о Мелькарте, то это воспроизведение должно было произойти до отождествления финикийского божества с сыном Алкмены, ибо позже ни с каким другим персонажем эллинской мифологии Мелькарт не связывался. Впрочем, возникновение саги о Меликерте надо отнести и к еще более древнему времени. Его культ связан с Истмом, где в его честь устраивались Истмийские игры (Apollo^{d.}, III, 4, 3), и с Беотией, в которой царствовал его отец Амафант, родиной его матери Ино, дочери финикийца Кадма, основателя беотийских Фив (Apollo^{d.} 1, 9, 1; III, 4, 1—3). Из этих областей вторая в микенскую эпоху была связана с Востоком, в том числе с Финикией, как доказывает находка более трех десятков восточных лазуритовых цилиндров во втором дворце фиванской Кадмеи⁵⁸. Эти связи предшествовали разрушению Фив в XII — нач. XI вв. до н. э.⁵⁹ Это было также время греко-финикийских контактов в языковой и литературной сферах⁶⁰. То, что у Гомера (Od. 333—335) упоминается богиня Левкотей, бывшая ранее смертной женщиной Ино, может говорить и о том, что в гомеровское время был известен и весь миф, включая и сообщение о прыжке Ино в море с Меликертом на руках⁶¹. Все эти рассуждения приводят нас к мысли, что сказание о Меликерте появилось в Греции в микенскую эпоху. Отсюда естественен вывод, что и миф о Мелькарте, связанный с его функциями морского божества, уже существовал, по крайней мере, во второй половине II тыс. до н. э.

Приблизительно к этому же времени должно относиться и предание об этом боге, относящееся к открытию пурпура. Уже

⁵⁷ Dussaud R. Указ. соч., с. 216—222.

⁵⁸ Колобова К. М. Находки цилиндров—печатей в Фивах и спор о Кадме. — ВДИ, 1970, № 2, с. 111—112, 118.

⁵⁹ Она же. К вопросу о возникновении Афинского государства. — ВДИ, 1968, № 4, с. 42.

⁶⁰ Шифман И. Ш. Указ соч., с. 13—14; Гринцер П. А. Указ. соч., с. 12—45.

⁶¹ Lesky. Melikertes, RE, HfBd. 21, 1931, стлб. 517—518.

в X в. до н. э., если верить Библии (II Chron. IX, 14), Тир славились мастерами, изготавливающими пурпурную краску и окрашивающими ею одежды. А вообще использование пурпура было известно финикийцам уже в середине II тыс. до н. э.⁶²

Итак, второй, более молодой слой цикла тирских мифов о Мелькарте возникает не позже второй половины II тыс. Когда появился первый пласт этого мифологического круга, определить трудно. Можно думать, что он приблизительно современен возникновению самого города — не позже первой половины III тыс.⁶³ Недаром жрецы тирского храма Мелькарта рассказывали Геродоту об основании храма одновременно с городом (Her. II, 44).

Мы ограничились в данной статье изложением тех мифов, в которых под эллинским или латинским именем несомненно или очень вероятно выступало тирское божество. При этом мы сосредоточили внимание на мифологии, совершенно или почти не касаясь других очень важных сторон культа Мелькарта.

⁶² A History of Technology, v. I. Oxford, 1956, p. 247.

⁶³ О времени возникновения Тира см.: Шифман И. Ш. Указ. соч., с. 8.